

тексте не происходит переключения с одного модального регистра, по терминологии Цв. Тодорова, на другой и что адресат понимает модальные смыслы текста точно так же, как и автор.

Статистическая модальность характеризует большинство жанров публицистического стиля: констатация факта (реальная модальность) свойственна жанру заметки во всех ее модификациях; возможность, гипотетичность встречается в жанре статьи. И в этом стиле читатель воспринимает тот же самый модальный смысл, который предполагается автором — журналистом.

Обращение к художественному стилю выявляет более сложную картину соотношения модальных планов. Дело в том, что одно из коренных отличий художественного стиля от других заключается в наличии не двух, а трех (и более) носителей модальных смыслов: в художественном тексте появляется модальный план героя, который внутри художественного мира устанавливает собственные отношения с происходящими событиями. Поэтому в художественном тексте мы сталкиваемся со случаями, когда модальные планы повествователя, читателя и героя не совпадают. Для примера вспомним повесть «Гробовщик» А. С. Пушкина: читатель почти до конца уверен, что события, описываемые в произведении, реальны, и лишь в конце узнает, что невероятное происшествие с Прохоровым — визит мертвецов — происходит во сне, нереально, т. е. модальные смыслы читателя и героя не совпадают.

Второй вид текстовой модальности, названный нами динамическим, предполагает отсутствие единой для повествователя, читателя и героя модальности. Каждый из носителей текстовой модальности обладает собственной «партией», и взаимодействие, переплетение этих партий рождает движение, динамику модальностей всего текста. При этом возможны различные вариации соотношений модальных планов носителей модальности в тексте. Виды таких соотношений рассмотрены на примере новелл писателей серебряного века.

В. М. Степанова

Тамбовский государственный университет

ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА И ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРЫ

Нельзя не согласиться с мыслью Г. О. Винокура о том, что «язык как один из продуктов духовного творчества данного культурно-исторического коллектива, в общем случае — народа, стоит в одном ряду с письменностью, наукой, искусством, государством, правом, моралью, хотя и занимает в этом ряду своеобразное положение, так как одновременно он составляет и условие всех этих куль-

турных образований». Поэтому, изучая язык исключительно ради него самого, а не для того, чтобы при помощи языка получить доступ к прочим явлениям культуры, находящим выражение в языке, мы уже изучаем тем самым соответствующую культуру. Язык представляет собой систему дисциплин, живущую по законам лингвистики. Но звуки речи, формы и знаки не исчерпывают еще собой всего, что существует в реально действующем и обслуживающем практические общественные нужды языке. Языковой механизм приводится в движение не сам собой, а тем обществом, которому данный язык принадлежит. Для фактической жизни языка оказывается чрезвычайно существенным, как пользуется общество своим языком. Наряду с проблемой языкового строя существует еще проблема языкового употребления, а так как язык вообще есть только тогда, когда он употребляется, то в реальной действительности строй языка обнаруживается только в тех или иных формах его употребления.

Под употреблением следует понимать совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, не одинаковый для разных условий языкового общения. Так создаются понятия для разных стилей языка — языка правильного и неправильного, торжественного и делового, официального и фамильярного, поэтического и обиходного и т. п. Одно и то же можно сказать и написать по-разному. Содержание, мысль при этом могут остаться вполне неизменными, но изменится тон и окраска самого изложения мысли, а это, как известно, существенно влияет на восприятие содержания и предопределяет разные формы реакции на услышанное или прочитанное. Эта проблема составляет содержание стилистики. Она имеет своим предметом только те языковые привычки и те формы употребления языка, которые действительно являются коллективными. Можно утверждать, что в самом языке, а не в психологии говорящих и пишущих, кроме звуков, форм и знаков, есть еще нечто, а именно экспрессия, принадлежащая звукам, формам и знакам. Вопросам экспрессии языка, т. е. внутренним его качествам, действительно соответствующим изображаемому миру, выражаемому настроению, не уделяется, на мой взгляд, достаточно внимания ни в школе, ни в вузе. Язык становится в таком случае лишь набором звуков, форм и знаков, передающих идеи. Но не следует забывать, что, наряду с объективной структурой, в языке существует и своеобразное субъективное дополнение к этой структуре — экспрессия. И более того, без подобного субъективного дополнения в реальной действительности язык вообще невозможен. Отвергнув вопросы экспрессии

языка, мы разрываем цепочку «знак — смысл», поэтому многое из того, что несет знак, оказывается просто не осмысленным, не востребованным.

И прежде всего, поэтический язык, насыщенный экспрессией, ибо действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в действительном смысле поэтического языка. Вместе с неспособностью осознавать поэтический язык как особую языковую функцию сужаются и границы культуры. Кого не тревожит сегодня засоренность «великого и могучего» нашего языка не только словами иноязычного происхождения, но и языковыми штампами, лишенными выразительности, связанной часто и с отсутствием глубины мышления. Это, в свою очередь, приводит к «сдвигу» читательских интересов: место Толстого и Тургенева, Лескова и Гаршина стремительно заполняют так называемые бульварные романы? на смену культуре национальной приходит безликая массовая культура.

Этот вал не остановить, пока в школах русский язык будет преподаваться в отрыве от языка художественных произведений, прежде всего классических, пока литература будет изучаться как перечень идеологических проблем, вне языка, несущего и выражающего эти идеи; пока устная речь будет являть собою пресловутую смесь «французского с нижегородским», не имеющую ничего общего с национальным нашим языком.

Вот почему сегодня борьба за чистоту и выразительность русского языка — это и борьба за национальную культуру. При этом менее всего хотелось бы, чтобы школа отказалась от овладения семантикой языковых единиц, от усвоения грамматических законов в их логической системе (но ни в коем случае в виде свода правил, которые следует механически усвоить), создавая так называемый «коммуникативно ориентированный» курс, подчиненный законам речевого общения учащихся. Такой курс обедняет систему приобретаемых знаний о языке и не решит проблемы взаимосвязи русского языка как учебного предмета с литературой и предметами эстетического цикла в первую очередь.

Необходим интегрированный курс русского языка и литературы, курс русской словесности, направленный на более успешное приобщение учащихся к духовным, нравственным и эстетическим ценностям, содержащимся в русской и мировой литературе, через язык художественного произведения. Именно этот путь способен привести наше изрядно больное бездуховностью и безграмотностью общество к возрождению функциональных особенностей языка, к возрождению культуры.